

Владимир Кузнецов

ОСЕНЬ НА ЛУНЕ

18+

Владимир Игоревич Кузнецов

Осень на Луне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42665675

SelfPub; 2019

Аннотация

Эта книга о самом моем главном, о самом сокровенном, о моих исканиях и находках... О сильнейшем запредельном переживании, которое стало основой основанием моего творчества. Самые дивные события, удивительные приключения происходили со мной осенью, и на Земле и на Луне... «Осень на Луне» – эти слова я прочитал в ясное полнолуние на волнах прибоя... Отражение Луны – лунная дорога все сужалась к берегу, а у самых моих босых ног, превращалась в тонкую серебряную нить, которая плясала на волнах прибоя и – писала что-то неразборчивым почерком. Я долго стоял и смотрел, стараясь разобрать хоть слово, и вдруг прочитал... – ОСЕНЬ НА ЛУНЕ

Содержание

Осень на Луне	5
Смысл и причина страдания	5
Русская загадка	7
Моренная гряда	8
А кто я?	11
А я сам – я есть?	11
Так ли это?	12
Осень на Луне продолжается...	14
Собака	15
Оборотень	19
Мой друг вегетарианец	22
Секрет бессмертия	25
Прощание с Илетью	26
Где она – та осень? Где-то там, далеко, на Земле...	27
Зима в парке	27
Где Друзья, где походы?	28
К моему невозможному читателю	29
«Осень на Луне», то...	29
Я не знаю	30
Осень на Луне	31
Искатель истины	38
Значит – я верю в Бога	39

Дриада	42
Менталитет	47
Далее...	48
Путь к кресту	50
Лунный Заяц	50
Выпьем с ним!	50
Я просыпаюсь и – нахожу себя...	51
Так в путь!	52
Знание, полученное во сне	54
Но, не все ли – сон?!	56
Счастье	59
Сейчас – счастье!	59
Тараканья проблема	61
На Луне возник город!	65
Ворона!	67
И все другие существа	70
Кадабр с того берега Стикса	71
Яркий осенний день, мне семнадцать лет, я гуляю с девушкой...	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Осень на Луне

Эта книга – подарок друзьям ко дню моего рождения 26 октября

Смысл и причина страдания

Полнолуние, и снова тот же, однажды найденный образ, видится мне в очертаниях лунных морей: на Луне сидит Заяц и пьет вино из кувшина...

Справа вверху – длинные уши – море Спокойствия, море Изобилия, море Нектара... Слева, где море Дождей – кувшин с вином в его лапах, а голова соответствует морю Ясности.

Полнолуние, катится по небу Луна, и Заяц заваливается на спину, все выше поднимая кувшин.

Если в страдании есть **сила**, освобождающая от привязанности, то значит – страдание не бессмысленно.

Но ведь Будда в страдании видел не избавление, а только неизбежное следствие привязанности: а к избавлению от страданий и от привязанности, и к достижению нирваны ведет – «благородный восьмеричный путь».

А вот Артур Шопенгауэр мыслил страдание как преодоление воли к жизни. Чем больше страданий и разочарований,

тем лучше, а предельный смысл и цель страдания – победа над привязанностью к самой Жизни, когда уже нет стремления к отдельному своему и для себя – бытию.

«Не любимым Бог дает корыто сытости, а любимым Он скитания дает».

Да и наша христианская традиция говорит, что любимым своим чадам Господь дает страдание, и что мучения и гонения, и разочарования в земной юдоли – на благо души нашей. Ведь страдание – предпосылка покаяния, а покаяние – есть изменение в лучшую сторону. Непрерывное покаяние, а значит, и страдание – путь к Спасению.

Я пострадать хочу! – воистину, русское восклицание: чтобы додуматься, надо почувствовать и пережить нечто другое, необыкновенное, что противоречит обычным нашим стремлениям.

Кусок мрамора сопротивляется скульптуру, здесь мрамор – инертная косная материя. Тварь в руках Творца пищит и стонет, не хочет меняться, не хочет страдать, НО:

«Что без страданий жизнь поэта

И что без бури океан» – Лермонтов.

Вот и добрались! – мои излюбленные темы: материал и творец, Материя и Дух, Создатель и его творение... Как проявляются во мне духовное и тварное начало, где тело, где душа, а где – Господь?

В общем, русская рефлексия супротив проблем американ-

ских!

Напряженные искания и мучительные раздумья на подобные темы, иногда вызывали во мне странные аффекты эмоционального свойства. (Страдать хочу!) Что выразалось и в моем **творчестве**:

Русская загадка

Вина хочу! – Вины хочу...

Хочу я пострадать.

А мера так мала...

Хочу давать, дарить...

Бери еще, свинья!

Смотри! – Я рву рубаху,

И в грудь свою стучу,

Широко так, с размаху...

Еще вина хочу.

И топчут свиньи бисер,

И душу рвут, – давай!

Холодные, пустые выси —

Невкусный Рай.

Хотите жрать и наслаждаться,

И шкурою за все платить?

Дивятся нам американцы...

Страдать хочу, и —

Русским быть.

Материал всегда достаточно тверд и ждет равного по силе творца. Нежелание приспособливаться, быть пластилином в руках социума – естественно для духовного человека. Как прекрасно быть неподвластным – никому, только Богу одному.

Что есть, в данном смысле, действие, польза, страдание?

Моренная гряда

Осень сырая насквозь.
На мокрой траве серо-зеленый валун...
Ледник недавно растаял.
Сорок тысяч лет здесь лежит
Камень этот, самый лежачий,
Под который вода не течет.

Вот такой же и я —
Валун негодный:
Слишком жесткий, неправильной формы,
На кирпич совсем не похож.
Не смогли меня приспособить,
В дело каменщиков не гожусь.

А время идет, просто идет время – простое, пустое бытие.
Где цель, где смысл? Я всегда стремился жить для чего-то

большого... Почему же теперь не могу уйти из этого зала ожидания?

Здесь все просто – что может быть проще? Здесь коротают время, здесь убивают время...

Но оно – бессмертное время идет, и будет идти, пока хоть что-нибудь движется.

Время – понятие, которое мы применяем для сравнения скорости протекания процессов. Принято все соизмерять относительно скорости вращения Земли вокруг оси и вокруг Солнца. А если мерить относительно скорости вращения Солнца вокруг центра Галактики, то это – галактическое время.

Относительно нашей жизни, от рождения до смерти, мы измеряем некую совокупность процессов, сводимую к судьбе человека, к его биографии.

Очевидно, что все движется. Куда оно все движется?

Как Дело совершенного Творца, все Творение движется к Совершенству. Значит время – это мера сопротивления. Время – это мера сопротивления косной, инертной материи, время – это мера нашего сопротивления Благому Замыслу...

Мы не хотим меняться, не хотим страдать, но мы в руках Творца, и поэтому наше страдание, пока мы сопротивляемся, – неизбежно.

Причина страдания – сопротивление Любви. Божественная, истинная Любовь действует вне насилия – это значит, что страдание исходит от нас самих. Отсюда следует, что

страдание не обязательно, – надо только понять, принять Чудо... Ведь получилось же у Будды!

Если мы не сопротивляемся Творцу, то нет и тягостного времени, а есть – Любовь. Такое благое состояние – это Чудо. Получается, что Любовь действует с помощью Чуда, ведь нет другого способа действовать без насилия.

Пока есть переживание времени, бессмысленного, напрасного, то будет и страдание, которое иногда обостряется так безмерно, как в «Бутырке»:

Одно здесь измеренье – тягостное время.
Кирпичные сомкнулись своды.
Всей грешной жизни навалилось бремя,
И отлучило от свободы.

Процессы идут, и поэтому я могу наблюдать время. Процессы идут: тело мое стареет, но я не наблюдаю жизни, нет радости, нет удовлетворения... Наверное, это потому, что остановился главный процесс – движение Духа.

Где Оно – оживляющее, и всему дающее смысл, Дыхание?! Не слышу, не вижу, не наблюдаю. И бездна затягивает все глубже – пустое, простое, напрасное время, несущее разрушение и гибель. Черная тоска оставленности, ни почему, ни зачем, – ни понять, ни ответить. Пусто, ничего нет, ни в голове, ни в сердце нет ничего такого-этакого: значительного, важного, глубокого, да и просто интересного, – о чем имело бы смысл писать, – и я уже давно не писатель.

А кто я?

Ничего не достиг, ничего толком не умею, не могу, не делаю... – только страдаю. Так тяжело и трудно живу в тоске да печали. И ничего у меня нет...

А я сам – я есть?

Сделать бы это последнее движение – отказаться от своего «я». Всем сердцем, всей страстью – «движение Веры»! Кажется, что ОНО уже близко – «отвергни себя», – ведь нет ничего такого-этакого, что могло бы поддержать мое самолюбие, за что могло бы зацепиться мое ЭГО, что потешило бы мою гордыню.

Вот если бы я смог вовсе, на самом деле от себя отказаться...

Я – образ, я – представление, такой сякой я...

Я один единственный на всем Свете среди многих и многих других «не я», – ущербное и смертное мое для себя бытие в бесконечности вечного ДРУГОГО.

Отказаться! Отказаться от СТРАДАНИЯ, от страха, от тоски, от неуверенности, от стыда, от смерти...

Ведь если я отвергну себя, то придет ДРУГОЙ, Тот, Кто может ДЕЛАТЬ.

Так ли это?

(Таклиэтом звали одного, во всем сомневающегося фило-софа.)

Для меня, это так! Если бы я не знал, что все может быть по-другому, то не было бы ни рефлексии, ни шизофрении, ни тоски, ни печали. Однажды со мной случилось – то самое, высшее переживание, мистический экстаз, я и не я – одно, ни от чего не отделенное, неделимое сознание...

Это действительно запредельное сознание – такой ясности, яркости и силы, что оно вырывается за пределы всех возможных структур, взрывает сосуды любых идей, лишь миг держится в какой-нибудь вещи мира, и летит дальше и дальше в бесконечность. И все мое существо переживает ускоренный, подобный взрыву, полет.

Все было здесь и сейчас – высшее счастье. А теперь все не сейчас – несчастье дальше некуда...

И как это я в поисках Истины довел себя до такого жалкого и бессмысленного существования? Но разве я мог выбрать само созидание и само укрепление, зная, что мой эгоизм никуда не ведет? И я выбрал саморазрушение и самопотерю со всеми жуткими следствиями. Последний раз, когда Божественная Благодать омыла мое существо, и спало с меня бремя отдельного и ограниченного существования (Неопи-

суемо хорошо было – истинная Радость и Счастье!), вместо того, чтобы принять, находясь в этой щедрости великой, я стал думать и говорить, что, мол, рано, не заслужил, не успел, как следует пострадать... Написал стихотворение, в котором кричал, бил себя в грудь и кричал: «Хочу я пострадать»! Ну и пострадал, и страдаю, и бездна – дна нет...

Вот бывало, нырнешь в глубину, терпишь, борешься, чтобы дно достать, а потом оттолкнешься и – выныриваешь стремительно. Я все надеялся предел почувствовать, чтобы оттолкнуться, но, видимо, если бесконечность над нами, то и бездна внизу.

Скоро рассвет, еще чуть, и Луна закатится, мой Лунный Заяц сначала завалился на спину, а теперь и вовсе – на уши встал, кувшин пуст, разговор окончен...

Лунные разговоры. На Луне у меня, кроме Зайца, обитает Иван Скорпионов – великий коллекционер средств и способов самоубийства. Там же, уже давно ничего не делает, и ни на что не может решиться – Данет Яснетов (Да-нет, ясности нет)...

Заходите, залетайте, вина у нас море, пьем кувшинами, и есть о чем поговорить!

Осень на Луне продолжается...

(Лунный Заяц, скучая по драконам, с таким чувством и так много о них рассказывал, что я тоже расчувствовался, и стал вспоминать **собаку**.)

Собака

Собака на улицу хочет,
Но хозяина не тревожит...
Ведь всю ночь он читал и думал,
Мыслей в доме, что осенью блох...
Хорошо, что мозгов не много
У собаки,
Не то, что шерсти...

Первый раз в жизни, и уже год, как я живу без собаки...
И моя левая рука проваливается в пустоту...

Вообще-то слово «собака» тюркского происхождения, но слышится, что от слова – «с боку», – со мной с боку идет моя **собака**.

С двухнедельного возраста и до пяти лет со мной неразлучно и неотлучно была собака – Альма, очень старая и умная восточносибирская лайка. На охоту она уже не ходила, а жить ей позволялось в комнатах, в дедушкином кабинете: других собак дальше кухни не пускали. А мне позволялось засыпать с ней в обнимку на ее подстилке. Так тепло и приятно было уткнуться в эту чуть колючую, волчью, зонарно-серого окраса, густую шерсть...

Я даже не знал, что Альма – собака, все время с ней раз-

говаривал, помню, обижался на нее, когда мы играли в прятки, потому что она меня сразу находила, а я ее долго не мог найти: «Альма, ну где ты, я больше не играю». И каждый раз, засыпая, я просил ее рассказать мне сказку, и до сих пор помню все ее сказки, и до сих пор в глубине души не верю, что собака не говорила со мной.

Собака со мной говорила, а последний раз – совсем даже недавно...

Была ночь, я возвращался от друзей, после долгих философских бесед, и был изрядно пьян, шел и напряженно думал о самом главном.

И, вдруг, – милиция...

Я рванулся и побежал, потому что пьяных они забирают, так как ничего не понимают в философии. В общем, я побежал, а они – молодые и трезвые – за мной. И не одного подходящего дерева, на которое я мог бы залезть и спастись, ведь по деревьям я и пьяный лучше всех лазаю. Думал, уж все! – поймают, но тут вдруг, увидел открытый люк, – если не вверх, то вниз...

Вот я и кинулся туда, в крошечную тьму, стараясь двигаться как можно быстрее, а то вдруг – погонятся следом...

Но милицейские, видимо, постояв наверху в крайнем изумлении, удалились вылавливать для «галочки» другого – нормального, нормально пьяного мужика.

Шел дождь, бурлили грязные потоки, я постоянно бился головой в бетонные стены, плутая в подземных коммуникациях, и не было нигде не малейшего просвета.

Только часа через два забрезжил вверху слабый свет, и я, поднявшись по лестнице колодца, последним усилием, упираясь головой, сдвинул чугунную крышку. И выполз в ночь, в дождь, неизвестно где, а в уме была, только одна мысль, – я шептал и думал: «Собака, собака, собака...»

Ведь если бы со мной была собака, то ни чего этого бы не было, с собакой они не забирают, и я бы спокойно дошел до дома. А у меня тогда был огромный, мощный, черный дог: «Против Тома нет приема, если нет другого Тома» – звали его, как вы догадались, Том.

Так вот, мокрый, грязный, я лежал на асфальте неизвестно где и звал собаку. И собака пришла, ткнулась в меня носом, горячим языком слизывая с лица слезы, и говорит: «Чего ты хочешь?» Это была не моя, а другая, тоже крупная, но лохматая и белая собака. Это была – Собака!

Я встал, несмотря на усталость, и поздоровался с ней: «Здравствуй, Главный Пес! Спасибо, что ты снова пришел ко мне. Отведи меня, пожалуйста, домой!» И мы пошли, разговаривая по дороге, и добрались до дома, думаю, что самой короткой дорогой. Моя черная большая собака ушла спать под стол, а мы с белой устроились на собачей подстилке, и я снова, как в детстве, слушал и смотрел чудесные сказки. Мы сидели у костра, мы охотились, да разве расскажешь обо

всех приключениях, но всегда мы были вместе, – всегда была собака.

Наутро я открыл дверь, и белая собака, – уже просто собака, – ушла.

А в гостях у меня в ту ночь был сам Главный Пес, общесобачья индивидуальность, «собачность», некто вполне разумный, давний друг и спутник Человека – СОБАКА, КОТОРАЯ УМЕЕТ ГОВОРИТЬ.

На правде своей стою упрямо.
Не станет собака меня кусать,
Потому что могу я прямо
На собаку взглянуть и понять,
Потому что я чту собаку,
И во мне пес читает аншлаг:
На Вашу уважаемую лапу
Не наступит мой грубый башмак!

С чудесами, встречаясь на свете,
Вводим в этику эстетизм:
Ни какой-то при встрече – «Приветик!»
А шляпой – справа-налево-вниз.

Оборотень

Мой дедушка был страстным охотником: с восьми лет брал меня на охоту, а в шестнадцать подарил ружье, и всегда у нас были собаки.

Мой черный дог, несмотря на то, что прошел все курсы служебного собаководства, в основном, был собакой охотничьей: я брал его с собой в лес, и он мне приносил уток. Он сплавлялся вместе со мной на плотах и даже ехал на крыше поезда. И вот, наконец, мы отправились с ним ловить **мамонта**.

Это была серьезная экспедиция. Есть авторитетные свидетельства, а так же многочисленные рассказы аборигенов о том, что в 20-х годах 20-го века в марийской тайге видели мамонта. Мне, например, мариец – собиратель сосновой смолы – показывал покинутую деревню и говорил: «Очень большой лохматый все время приходил, и все топтал, пришлось людям уйти. Этот большой – Обло зовут, под землей живет...»

А ведь в «Марийке» столько карстовых провалов и озер, – значит, есть под землей и огромные пустоты, пещеры. Кто там живет, ни туда ли мамонты ушли?

Вообще-то, марийцы народ суеверный, у них в лесах и лешие, и водяные, и оборотни водятся. С нами, в этом смысле, где-то на 7-й день путешествия, приключилось нечто весьма

забавное.

Наша экспедиция состояла из меня, двух моих друзей, и, конечно, с нами была собака. Мы шли с тяжелыми рюкзаками, и ружье висело на шее. Была ранняя весна, неустойчивая холодная погода, иногда даже шел снег. Когда по лесному завалу мы переходили небольшую, но стремительно бурлящую речку, мой пес сорвался туда – в черную ледяную воду...

Все обошлось, мы его достали, но Черный так дрожал от холода, аж посинел. Недолго думая, я выдернул из-под клапана рюкзака меховую (летнюю) куртку и надел на собаку. Куртка еле сошлась на его могучей груди, а в талии болталась, тогда я затянул ее своим ремнем, на котором так и остался висеть большей охотничий нож. И пес, согревшись, радостно побежал вверх, на речной обрыв.

А вот когда следом поднялись мы, то – нарочно не придумаешь!

На полянке стоял мариец, в совершенно немислимой позе и, чтобы не упасть, опирался на старенькую одностволку. К ногам его, жалобно скуля, жался маленький тощий гончак. А мой пес важно ходил вокруг, поливая кустики. Увидев нас, и все же не отводя глаз от чудовища, мариец прошептал: «Кто это?». Понимая, что дело не ладное, я стал говорить ему, что это просто собака, только большая, и стал рассказывать о породе...

«А почему ОН в шубе?»...

Тогда я стал рассказывать, как мы переходили речку, о

том, что шерсть у него короткая, что пес замерз...

Но тут мариец, покрутив пальцем над головой, сказал: «Е-е-е, а ножик у НЕГО зачем?»

И больше никто ничего не сказал. Я не смог ответить, не смогли и мои друзья объяснить ему, с какой целью вооружилась собака таким очень даже не маленьким ножиком. Мы молча ушли, а марийский охотник так и остался...

Интересно было бы съездить еще раз и узнать – в какого мамонта превратился мой дог, или, может быть, собиратели фольклора знают...

Жаль! Столько приключений, столько историй, но теперь, видите ли, Иван Скорпионов будет рассказывать, а истории у него – все о том же...

Мой друг вегетарианец

Братья мои и сестры мои, самоубийцы! – Никогда, никогда, никогда! Всю свою жизнь, всего себя посвятил я поиску самоубийства без убийства, потерпите, потерпите еще чуть, уже близко – есть, есть такой способ!

А история, – вот какая!

Мой друг, музыкант и великий путешественник взял как-то, да и женился. Хорошая жена попадется – счастливым будешь, а если она – Ксантиппа, то станешь Сократом, ему же такая попалась, что стал он вегетарианцем.

А вышло все, – вот как...

Должны были придти родственники жены, и она послала его петуха зарезать (они там кур разводили), он взял самый большой и острый нож и пропал...

Долго, долго его не было, все родственники разъехались, а потом пришел, весь бледный и без петуха. Петуху он голову так и не смог отсечь, зато отсек себе – крайнюю плоть. С тех пор мясо, рыбу, кур и яйца он не ел, а жена его выгнала.

И вот идет он один в лютый мороз по какой-то дорожке, и видит башмак, вмерзший в утрамбованный снег. И вдруг подумалось ему, что, может быть, не одному ему так плохо, что если, вдруг, – его папа напился, и упал где-то там, и сейчас вмерзает в снег как этот башмак. И ему так захотелось спасти папу, что он стал выковыривать из снега башмак, на-

прягая все силы, ногтями и зубами...

Но... И тогда он сел в позу «лотоса» прямо на башмак.

И сидел, и сидел, не обращая внимания ни на мороз, ни на случайных прохожих, пока ни оттаял лед...

Это далеко еще не вся история, потом он пошел к любовнику своей жены, который жил – аж на шестом этаже! И, предчувствуя дальнейшее развитие событий, постелил свой драгоценный башмак внизу...

Мой друг выжил после прыжка с балкона шестого этажа прямо на башмак, но на всю жизнь остался чистейшим вегетарианцем. Недавно такая интереснейшая философская беседа у нас была, и вдруг выяснилось, что он и гречку не ест. Почему? Смутившись, всегда тихим голосом, говорит, что сам удивляется, шизофрения, наверное...

Ивана Скорпионова, как всегда, бесцеремонно, прервал Лунный Заяц своими лемурийскими гимнами: «Лямур, лямур! Лямур – дитя, дитя свободы, законов всех она сильней...» – и т. д. и т. п. Вот так у нас на Луне...

А потом Лунный Заяц долго смеялся над людским суеверием, что нет, мол, ничего быстрее мысли.

Мысль быстрая летит всего быстрее,
Но если скорость есть у ней,
То значит время нужно ей.
И время шло, трудилась мысль моя, —
Из пункта «я» в – «не я» стремился я,
Но «я» сидело у руля,

И в пункте «я» я до сих пор —
На мысленном пути затор.
Не обойтись без озаренья...

Живу давно, и до сих пор
Все жажду откровенья.

– Да, да! Я жажду, жажду! – вскричал вдруг Данет Яснетов.

Мы так обрадовались его весьма обоснованному желанию, что не поленились преподнести ему кувшинчик лунного вина.

Пить или не пить – да или нет, как поступить, если ясности нет?

Но Данет выпил и отважился говорить.

Как Дух поймать, в какие клетки?
Я мыслю новую Тюрьму...
Грустит философ, и смеются дети...
Где Радость, неподвластная уму?

«Где хочет, там и дышит».
Не хочет здесь, а хочет там,
За стенами, над крышей —
Поближе к Солнцу, к Небесам...

Дух Жизни дышит вольно.
Миг озарения, стой!

Болят мой ум, и мыслям больно...

– Ой! Выпей еще кувшинчик! – перебил Яснетова Заяц. – От ума помогает», – и поделился с нами секретом бессмертия.

Секрет бессмертия

Конечным мерить Бесконечность —
Для этого, нужна нам Вечность!

Быть метром – Мэтром для всего,
Что можно выудить из Ничего.

А если перестанешь мерить,
От слова «смерить» – смерть!
Что мерил, тем и жил,
Потом у мер того, что смерил —
Умер.

Неизмеримое – вот истинное Нечто,
Что можно мерить **вечно**.

Да, такие яркие звезды осенью на Луне, и бесконечная Вселенная вокруг, и вина у нас море...
Но я вспоминаю Землю, мои леса, и ту далекую осень в

марийской тайге...

Прощание с Илетью

И дым уплыл по реке,
Пуста глазница костра.
Колючая лапа в руке,
От инея хвоя остра.

Прощай, не забуду! Память
В темно-зеленый окрашу,
Елки машут ветвями,
Елки машут, машут...

Иду иль теку устало
В своем замерзшем русле,
Ляжет на грудь одеяло,
Звонкое, словно гусли.

Река затянется льдом,
Затянет холодом рану,
Уйду в сверкающий дом,
Кристаллом прозрачным стану.

Где она – та осень? Где- то там, далеко, на Земле...

Здравствуй, Лес, я вернулся,
Я не расстался с ружьем.
Дай надышаться сырими туманами,
Дай умыться холодным дождем,
Под осенними тучами рваными...

С ружьем я давно расстался, теперь даже собаки нет, одни
воспоминания и – лунная пыль.

Зима в парке

Зиме навстречу старые деревья,
Как дети, тянут руки —
Простое и безмерное доверье...
Она пришла их убаюкать.

Ко сну одела так нарядно,
Заботливо укрыла ноги-корни,
И будет охранять, и будет рядом,
Чтоб спали долго и спокойно.

Вот пискнул поползень, бежит,

Как первый мимолетный сон,
От слез осенних ель еще дрожит,
Больного дуба слышен стон...

Но ближе бледное лицо —
не бойтесь, спите...
И снег идет и все сильнее:
Волос седых сплошные нити
Теплом и нежностью окутали детей.

Где Друзья, где походы?

Наверно, я мальчик маленький...
Я плачу под Новый год,
Потому что сырые валенки,
Дед Мороз не морозит лед.

Разве не будет праздника?!
Снег, почему не искрится?
Соседский мальчишка дразнится,
И не звенит синица.

Разве не будет праздника?!
И к нам никто не придет?
Я больше не буду проказником,
А будет ли Новый год?...

К моему невозможному читателю

Скажи, кто твой читатель, и я скажу какой ты писатель...

Если я невозможный неписатель, который все же пишет, про пьяных лунных зайцев, всегда одно единственное произведение, под названием —

«Осень на Луне», то...

Где ты, мой невозможный не читатель, который все же прочитает эту «Осень на Луне», потому что с Луны свалился. Я то уж точно – свалился, однажды, например, с дерева, потому что любил с дерева на дерево прыгать, – свалился с высоты (ребята ради интереса измерили) 17-ти метров. А потом на меня пальцем показывали и кричали: «Человек-белка, человек-белка!»

Вот именно, что не однажды! Просто, мое паденье с дерева – всем известный факт, а то, что я с Луны свалился...

– Кто Вы, представьтесь, пожалуйста?

«На вопрос на такой есть ответ простой».

Все как-то отвечают, могут ответить...

А как бы я ответил, ведь мне, когда спрашивают, при-

ходится как-нибудь и что-нибудь говорить, что я, мол, старый лесоруб, лесник, последний русский философ, искатель истины. Вот когда найду, тогда и отвечу, а пока мой ответ прост:

Я не знаю

Кто я? Я не знаю. Если бы знал, то древняя формула – «Познай себя» потеряла бы для меня свой таинственный глубокий смысл, и пропал бы во мне искатель истины и философ, – «один татарин остался».

Это из анекдота, мой дедушка, прошедший всю Войну, рассказывал: Немцы окружили высотку, а взять не могут, и кричат в мегафон: «Русс сдавайся!» Но никто не сдается, они снова кричат: «Русс сдавайся!» А сверху в ответ: «Русс нет, один татарин остался», и стрельба. Так немцы высотку и не взяли.

Познавать себя – это значит, каждый раз, признаваться себе, что не знаешь кто ты, что ты, почему ты...

Почему, почему Лунный Заяц загрустил, Иван Скорпионов скучает, даже Данет Яснетов зевает и звезды считает. Видимо, пора возвращаться к моей «осени», – к осени, которая на Луне.

10 лет назад я раздал друзьям по экземпляру рукописи, пытаюсь поставить точку в разговоре о самом главном, руко-

пись называлась – «Осень на Луне». Эти слова я прочитал в ясное полнолуние на волнах прибоя.

Отражение Луны – лунная дорога все сужалась к берегу, а у самых моих босых ног, превращалась в тонкую серебряную нить, которая плясала на волнах прибоя и – писала что-то неразборчивым почерком. Я долго стоял и смотрел, стараясь разобрать хоть слово, и вдруг прочитал...

Осень на Луне

Да у нас тут всегда осень. Ползают по кратерам желтые туманы, бесшумно падают и взрываются метеориты, от чего пыль спекается в древние символы, поющие в пустоте. Все как обычно, вино пьем кувшинами, под лунной поверхностью такие запасы, что за 10 тысяч лет Заяц, не просыхая, неумоимо черпая, и половины не выпил. В общем, и вина пока хватает, и поговорить есть о чем.

Вот только Иван Скорпионов безобразие устроил. Помните? Овеществил в лунном флюиде свой субъективный город, конечно не без помощи кувшинчика...

Дома, машины, всюду мусор какой-то валяется, и множество людей, и все с этим, – с этим самым синдромом: братья мои и сестры мои – самоубийцы... Но вся эта субъективная нереальность у Зайца под колпаком из желтого позапрошлого тумана. И только один Скорпионов, когда перепьет,

верит, что город настоящий, и зовет его Казанью. Почему Казань, да на Луне, да на обратной ее стороне, да в центре потустороннего круга?

Я проснулся, как в наказанье,
Снова в Казани, снова в Казани.
Мне все равно, обидно просто —
Снился остров, прекрасный остров...

Ночь всю качался я на лианах,
И хохотали вокруг обезьяны,
Я собирался утром рано
Через джунгли идти к океану...

Вижу в окошко лазурное небо,
Как океан, у которого не был...
Час – и очнется, как в наказанье,
Город, который зовется Казанью...

Да и ладно, пусть будет Казань, с Земли все равно не видно. Да и кому сейчас дело до обратной стороны Луны?

Но, если исходить из истины, дело есть, я уже говорил, не забывайте, что эта история касается всех, потому что Луна спутник Земли, и вообще – единство! Как угодно можете отъединяться, как угодно мыслить, но единство придется признать. Во всей нашей Метагалактике – каждый атом, даже микрочастица каждая не бывает сама по себе без всех остальных – единство!

Однажды, когда Иван Скорпионов скакал верхом на кадабре, и в него под действием ядовито-зеленой краски превратилась садовая скамейка, – «не красьте скамейки зеленою краской, пленен я навеки чудовищной сказкой. Не красьте, кто осенью красит скамейки?», – скакал в поисках настоящего человека по улицам своей злосчастной субъективной Казани, как вдруг, откуда ни возьмись, прилунился, перегруженный сомнениями, Данет Яснетов.

От бесконечности света
\$до бесконечности тьмы —
Это все наше, это все – мы.
В промежности этой – Вселенная вся, —
Познать ее можно, или нельзя?
Не знает, не знает, в сомненьях поэт,
Ему подавай абсолютный Свет.
В неясности бытия быть больше невмочь,
И он призывает – вечную Ночь.

В начале было великое – «Да!», а потом – «Нет!». Вот и началось: да-да, нет-нет, нет да, Данет, да-да-нет-да – и так до бесконечности, во всех возможных вариантах. Ни в этой ли **двоичной системе счисления** все сущее существует? Как в компьютере, но сделанном из Ничего. Пустые диоды, пустые триоды из эха извечного – «Есть» или «Нет».

Так вот, прилунился Данет Яснетов, где прилунился там

до сих пор и сидит. Наверное, это возможно только в Казани, которая на Луне, но ему была предложена полная свобода выбора без какой-либо необходимости...

Представьте себе эту комедию: Данет Яснетов решил выяснить для себя окончательно и навсегда – или нет, или да. Ему, наверное, и вечности не хватило бы...

Что там буриданов осел? С голода умер, а если и в еде нет необходимости? У нас-то, все как обычно, кувшины не пустеют, разговоры не иссякают, вина на Луне море. А он все сидит на том же месте, как тот ворон: «Все сидит он, и сидит он, пусть идут, идут года. И душе не встать из тени, знаю, больше никогда».

Скучно, смотреть не на что. А тут как раз слово одно модное до нас докатилось, американское – «проблемы». Мы его повертели и так, и сяк, и решили на Яснетове испробовать. Подходим к нему, просто, без суеты – спешить некуда, и Заяц немного по-американски спрашивает: «В чем Ваши проблемы?»

Вот тут он нас и ошарашил: «В необходимости внутренней» – говорит: «Сам вижу, что внешней необходимости ни в чем нет. Но вот как быть с истинным внутренним обоснованием наших внешних без видимой необходимости действий? Надо бы еще подумать, прежде чем что-то делать».

Даже Заяц задумался!

– «Проблемы?»

Все просто: делая что-нибудь без всякой на то необходимости, человек исходит из, так называемой, – гордыни (см. гортыква, горарбуз).

Представьте себе, что это даже не фрукты, а такие огромные страшно ядовитые ягоды, губящие не только душу человека, но и отравляющие всю «окружающую среду». Как жаль земную Природу, вот необходимая необходимость – спасти ее надо, и очевидно, что **уборка мусора** уже давно стала делом самым необходимым. А вот ругань, драки, войны, любое возвеличение и увеличение себя и своего – не имеют под собой никакой необходимости, а служат удобрением для этой злобной гордыни (гортыквы и горарбуза).

Что мной движет, когда я пишу мою «Осень», которая на Луне?

Всю жизнь я наблюдаю войну, непримиримую вражду на одной грядке, – войну в душе человека. Если побеждает Гордыня, собирая все соки под свою толстую шкуру, то чахнет Любовь. А ведь только Любовь видит и чувствует истинную необходимость, как внешнюю, так и внутреннюю.

А когда, под ударами судьбы, чахнет Гордыня, когда мне, как всегда, – по «тыкве», да еще раз по «тыкве» и по «дыне», и по «арбузу»...

То тогда остается пустая грядка, а на ней Тоска, да Печаль, да еще какой-то туман клубится...

Я пишу от тоски и печали, они ведь тоже – движущая сила.

«А в тайге по утрам туман – дым твоих сигарет.
Если хочешь сойти с ума, лучше способа нет».

И есть – необходимость!

Я всегда пытался вернуться в тот День, который больше жизни, и рассказать о том, что видел там, далеко, той осенью, которая на Земле.

Ради дерева вы умираете, листья!
Ради жизни вечной жертва ваша.
И, понимая, светлую истину,
Вы становитесь краше и краше.

Умирая, цветете, так ярко и радостно:
Ведь дерево будет, и лето придет!
Ради ветра и солнца этот прекрасный —
Листьев прощальный полет.

Сказано: «Ничто не будет сверх сил ваших», – но, как всегда, кажется, что сил не хватит, т. к. слишком и чересчур: дорога слишком длинна, боль чересчур сильна, тоска слишком остра, печаль чересчур темна...

Но Свет и Радость ведь тоже были – слишком и чересчур!
О Главном! Надо рассказать о Главном, ведь нет мне другого оправдания, мне – не писателю, который все же пишет, потому что в нем есть нечто, что по своей природе стремится отдавать, жертвовать собой, страдать, – потому что есть –

«листьев прощальный полет».

Вот только сил не хватает взобраться на ту высоту, с которой можно говорить по праву.

Не просто вдруг сойти с Луны:

Шагну, лечу, но это только – сны.

Проснусь, и кресло старое

Опять рыдает,

Далекие леса, дожди и ветер вспоминает.

Искатель истины

Мне и самому как-то странно признаться вдруг, что я – Искатель Истины...

Но, рассуждая снова, стараясь быть критичным, ироничным и вновь с полной серьезностью отвечая на вопрос – чем я с большим постоянством занят, чему готов посвятить жизнь, повторяю – Истине.

Да и что в этом странного?

Ведь сказано, что сначала – Бог, а остальное – приложится...

И служить надо одному Богу, а не «двум господам». Ведь я пишу с большой буквы Истина – «что есть истина?»...

Не что, а – Кто, Бог есть Истина, искать Истину – искать Бога. Говорю определенно, чтобы не было путаницы: Истина значит для меня – еще одно Имя Божье.

Имя не Он Сам, имя – это дверь, в которую можно стучать. Вот я и стучу... Но я ведь человек здравомыслящий, рассудительный, и поэтому – никакой «палаты № 6», хотя иногда бывает, за неимением более разумных средств, – стучу лбом – Господи, помилуй! Ведь – жажда, ищущий не имеет, само искание свидетельствует...

Но все же, искатель Великого Сокровища уже чем-то богат: мечтой, романтикой, каким-то отсветом еще не найденного золота. Главное то, что он верит, и поэтому посвящает

поиску всю жизнь.

Значит – я верю в Бога

Так что, ничего особенного в своем искании я не нахожу, кроме одного – веры в Бога. Является ли Вера чем-то особенным? Я спрашивал многих, и многие мне отвечали, что верят...

Единственное, что меня всегда удивляло: почему человек, говорящий, что верит – не ищет? По-моему, одно естественно вытекает из другого... Ведь если человек знает, что есть Несравненное Сокровище, то...

Надо искать... Худо ли бедно, ищущу, а с недавнего времени осознанно – цель жизни поставлена. И, конечно, надеюсь на вашу помощь. Я всегда мечтал о самом большом походе. Снова с друзьями – вперед, к прекрасной цели...

Материя и Дух, материал и Творец... – это, как две руки Господа, а между ними весь Мир, все формы. Материя не может быть чем-то иным, если она выдерживает прикосновение Духа, – материал всегда достаточно тверд и ждет равного по силе творца.

Кто я здесь – материя или Дух? Когда духовное пребывает во мне, то я могу творить и творю себя, а когда преобладает материальное, то все творят внешние обстоятельства. Что-то происходит, что-то случается, а в результате – понимание...

Понять – значит измениться, понимание – самое ценное

внутреннее достояние. Оно – венец всех мук и страданий и, может даже, самой жизни.

Обычно понимание приходило ко мне в силу обстоятельств внешних, они загоняли в угол, заставляли думать, страдать, напрягать душевные силы и – понимать. Видимо, сам я, по собственной воле, ничего не хотел понимать...

А разве нельзя напрягать волю, работать над собой и размышлять последовательно в силу обстоятельств внутренних? Ведь есть и жажда духовная. Неужели она не так сильна, чтобы вызвать напряжение, достаточное для понимания...

И так, я могу рассказывать о том, что понял... Еще я могу описать те обстоятельства своей жизни, которые заставили меня понять.

Высшая победа обстоятельств – загнать человека в такой тупик, из которого есть только один выход – Бог.

Однажды я оказался в таком тупике и понял... Все мое понимание можно выразить такими словами: Бог Есть!

А еще я пытался рассказать о тех обстоятельствах, которые подвели меня к этому...

Но вот если бы! На страницах книги создать такое «обстоятельство», которое могло заставить читателя переживать и думать, и пришло бы к нему понимание...

Вряд ли мне по силам такое художественное произведение...

Произведение искусства – это такое, искусственно создан-

ное, обстоятельство, переживая которое, человек получает понимание истинное.

«Нарисуй мне барашка!»

Маленький Принц увидел своего барашка через дырочки в ящике...

У меня есть, нечто настоящее, истинно ценное – то, чем бы я хотел поделиться со своим другом, но не получается, – я не писатель и не поэт...

И все же, ящик я могу нарисовать, а каждая фраза, каждая попытка сказать – будут теми дырками, через которые...

Может ты, Мой Друг, увидишь нашу с тобой Истину!

Дриада

Однажды, весь август, всю долгую осень и начало декабря я проторчал на болотах под Талдомом, 9 км до ближайшей станции. У меня был сплошной лесоповал: часть болот осушили и отдали московскому дачному кооперативу, я же подрядился срубить все деревья на участке площадью около 20 гектар.

Черная ольха, осина, береза, даже ельник – довольно густой лес на кочковатой, уже пересохшей почве. Изрытый вдоль и поперек глубокими канавами, он был обречен, но все равно до сих пор жаль каждое ни в чем не повинное дерево, в которое с визгливым ревом вгрызались зубья бензопилы.

Мои работодатели давно меня знали, и поэтому смело бросили одного с тремя бензопилами, и свод военной шатровой палатки 37-го года снится мне до сих пор.

Приезжали по воскресениям, привозили бензин и консервы, а я каждый раз просил их найти мне помощника. Не потому, что валка в одиночку нарушает технику безопасности, и трудно одному пилить и толкать, и таскать через завалы пилу, топор, бензин, сумку с инструментами... А потому что – «одиночество, как твой характер крут!»

По утрам, каждый раз, заставляя меня за разжиганием костра, пролетала семья воронов: шесть черных птиц приветствовали меня своими громкими, со звоном металла, крика-

ми. Особенно старался один молодой ворон – Предпоследний, он всегда летел предпоследним и очень мной интересовался. Однажды, пролетая над лагерем, он снизился и вдруг перевернулся на спину, и долго летел совершенно прямо, но вверх ногами, а потом, приняв обычное положение, радостно раскричался, сделал крюк и повторил трюк – вот как я умею!

Пожелав воронам всяческих успехов, я шел за водой, всегда в одно и то же место, где ближе и легче было зачерпнуть из канавы. Но это место облюбовала большая черная гадюка, в руку толщиной. Сначала она не спеша уползала со своего солнечного пригорка, а потом привыкла к ежедневному ритуалу, и даже не шипела, наблюдая за мной. Однажды я отважился и погладил ее по головке. И, конечно, каждый раз с ней здоровался, разговаривал...

На одно плечо – бензопилу, на другое – сумку с инструментами и водой, в одной руке топор, в другой – канистра с бензином, и – вперед! Пилить и пилить, пока не стемнеет, ведь дни все короче...

Вот на высокой кочке стоит большая красивая береза, в пышной кудрявой кроне сверкают на солнце пряди желтой седины. Но валить надо, я подхожу и делаю запил. Как вдруг, шину моей бензопилы заливают яркая алая кровь.

Да, красная жидкость хлещет из березы, заливают пилу, и кровавый ручеек бежит по земле. В ужасе я бросаю все, делаю какой-то немислимый жест, и восклицаю громко: «Ну вот, Дриаду зарезал!» – Зарезал нимфу, жившую в дереве,

душу леса, принимающую облик прекрасной женщины, – зарезал. Она жила здесь, в этой березе, а я, вместо того, что бы подружиться с ней...

В этот день я больше не работал. Долго не мог ни на что решиться, и только на следующее утро произвел научное исследование данного феномена.

Оказалось, что в березе было большое сердцевинное дупло, а над ним в изгибе ствола – морозобоина, случившаяся прошлой зимой. Весной березовый сок из глубокой трещины в коре натек в дупло, простояв там все долгое лето. Под действием березового дегтя и каких-нибудь бактерий он окрасился в цвет крови невинной нимфы. Бедная Дриада!

Как хорошо было бы подружиться с какой-нибудь нимфой, дриадой, русалкой, а то...

Эта вторая – Ева,
Вместе с моим ребром,
Опять подалась налево.
Я пью валерьянку и бром.

Может, она и лучше,
Чем первая та – Лилит,
Но когда перестанет мучить,
По ней вся душа болит.

Господь, сотвори другую!
Не один должен быть человек.
Ребер не жаль,
Только дай мне такую,
Чтобы не жаждать вовек.

Да будет! Бери,
Если сможешь принять,
А зовут ее —
Благодать.

Хорошо, что я не мыслю себя поэтом, поэтому могу писать стихами, не забираясь слишком высоко.

Я решил прыгнуть со скалы в Черное море – это было давно, в Крыму, на мысе «Фиолент» – но медлил, сомневался...

Накатывали волны страха: то напрягались, то расслаблялись мышцы. Я говорил – «Нет», поднимал голову и смотрел вдаль, огромность моря напоминала о высоте, на которой стою, и взгляд опускался вниз. Под скалой было достаточно глубоко – мерил, и до воды долечу – «Да!» И снова напрягались мышцы.

«Нет!» – я уже знал, как опасны эти колебания, слишком долго, долго стою на краю. «Все, ухожу, найду скалу ниже» – расслабляюсь и делаю шаг назад...

А потом было мгновение, о котором не рассказать, какие мысли пронеслись, какие чувства пережились? Много, мно-

го всего, а скорее даже – все, – все содержание тогдашней моей жизни вспыхнуло в попытке обрести смысл.

«Да!» – и страх отступил. Незабываемое чувство освобождения: ни страха, ни сомнений, никакой внутренней борьбы. Сам себе я уже не мешал, шаг вперед, глубокий вдох, и – прыжок...

И вот снова, моя недостаточная решимость привела меня на край, – мучительные колебания: Да! – Нет!

Да, хотя уже давно решил, что я не писатель, но прыгать надо, т. к. слишком долго стою на краю. Здесь не очень высоко и, надеюсь, не очень опасно. Мне надо написать лишь одно единственное творение, под названием – «Осень на Луне». Да, шаг вперед, глубокий вздох, и прыжок прямо на Луну.

Менталитет

А там сидит Лунный Заяц, попивает вино из кувшина, и с новым словом играет. Говорит, что до Луны словцо докатилось любопытное – «менталитет» называется.

Рассуждать о содержании сознания – это одно, а вот анализировать содержание своего собственного сознания – другое. Каждый человек блуждает в своей субъективной структуре мира: посмотри на Ивана Скорпионова, как он лихо скачет верхом на зеленой скамейке. У него все просто, – что думается, то и делается. А у всех остальных беда: каждому думается только то, что вписывается в его «менталитет», кругозор, образованность, соц. принадлежность, и – прочие ограничения сознания.

А делается нечто, ничем не ограниченное, всеобщее, новое мгновение – новая Вселенная. Для понимания того, что делается, человеку дано одно единое сознание – свет, достаточной силы и яркости, если бы не «менталитет»...

Как это получается, что в одном едином сознании, по сути неделимом, такие глубокие пропасти, такие высокие заборы, такие темные лабиринты. В нем есть области, окрашенные то ненавистью, то страстью, то желанием, то злобой, есть область, которая называется – «Я» и противопоставляется всему остальному, своему же сознанию. Все это нереальное отражение реальности приобретает иногда столь уродливые

формы, что даже в самых прекрасных весенних садах, человек не может выбраться из АДА собственного мировоззрения.

Где-то на Земле есть Красота, но она там, за стеклами, за очками, за всеми структурами любых «менталитетов». О Красоте ни только думают, ее созерцают и осознают, очищая тем свое сознание.

Небу доверь свой взор,
Пусть неба язык синий,
Весь накопившийся сор,
Из глаз твоих вынет.

Всегда и во всем должен быть смысл. Если я пишу, то надеюсь, что кто-нибудь прочитает. И прочитает внимательно, ведь о Главном пишу, о смысле, о правде, об исканиях истины. Но это не есть – философский трактат, и не рассказы – «все другие существа», а... – «Осень на Луне».

Далее...

Из того, что было уже написано, я приведу то, что не уходит из памяти. В результате должна родиться только одна «Осень» – единое, единственное творение.

Первая «Осень на Луне» была издана, но не так, как бы я хотел, и, даже, не под моим названием. Издатель назвал книгу – «Путь к Кресту».

Какой ни есть, но я – поэт, и никогда бы не написал, особенно в названии, такое сдвоенное «к» – «к кресту».

Нет, всегда только «Осень» – осень, которая на Луне.

Вот они – мои прошлые тексты, в сокращенном виде, но с искажениями и добавлениями, вызванными процессом долговременного осмысления.

Путь к кресту

Лунный Заяц

И все же, я ошибался: кувшин, он привык пить вино кувшинами...

На Луне сидит Заяц. Когда-то, любуясь полной Луной, я догадался, что держит он в лапах. Всю ночь, то, выбегая на улицу и всматриваясь в небо до боли в глазах, то, рисуя дома на кухне, я искал истину. И, наконец, заметил, что Заяц понемногу заваливается на спину.

Так каждую ночь: он или сидит прямо, или уже запрокидывается, но в течение ночи все больше и больше заваливается и все выше поднимает бутылку. На Луне сидит Заяц, и всю ночь напролет пьет вино.

Выпьем с ним!

Но я ошибался. Он привык пить вино не из бутылки – кувшинами.

Мы с Лунным Зайцем только этим и занимаемся – пьем вино из кувшинов, да поем гимны Лемурии или скабрзные песенки Атлантиды. Вина у нас – море, под лунной поверхностью огромные резервуары.

Изумительное вино, к тому же на удивление питательное: несмотря на то, что никакой еды здесь нет, я не только не голоден, но даже начал поправляться, и скоро меня можно будет разглядеть на Луне рядом с Зайцем.

Как здесь красиво! Самое начало осени: ползают и шепчутся желтые туманы, падают, бесшумно взрываясь, метеориты, пыль спекается в магические талисманы, поющие в пустоте...

«Проявление феномена лунатизма не ограничивается внесознательно-двигательными явлениями, хождением по крышам в полнолуние и проч. Действия больного могут носить весьма сложный характер. Один наш пациент в сомнамбулическом состоянии писал роман, о котором в период бодрствования не имел ни малейшего представления. Кстати, днем он – обычный здоровый человек, работает лесорубом и ничего не пишет, даже писем» – из лекции по психиатрии.

Я просыпаюсь и – нахожу себя...

Когда просыпаюсь утром, то мне не до поисков себя: я нахожу будильник, нахожу день, полный забот... Поэтому я просыпаюсь ночью.

Я встаю среди ночи, иду на кухню – надо запомнить, обдумать сон и, главное, осознать себя – здесь, сейчас, найти мое

настоящее, которое длится, позволяя мне думать и писать.

Сидя в углу на кухне, я курю, пью чай, а иногда – пишу, но не очень долго, чтобы оставить время хотя бы на один сон, который как стена отделяет меня от завтрашнего – другого мира.

Ночью я возвращаюсь к себе, к своему Главному, только ночью я вполне один, огражден и защищен сном – от завтра и вчера. На шести кухнях надо мной и двух подо мной – никого, все спят. Поэтому легче, не натываясь на людей, моей вертикальной мысли – взлетать к звездам и падать вниз...

Для своих записей я нашел довольно толстую, крепкую тетрадь, которая называлась «Ежедневник», и переименовал ее в «Еженочник», т. к. пишу ночью.

Я пишу одно единое и единственное произведение, как и жизнь одна, как одно у меня – Главное, о чем, во что бы ни стало, я должен рассказать.

Так в путь!

Трудный, неведомый, еще один Большой поход... В большие походы мы брали с собой – флаг. Какой же рыцарь пустится в странствие без собственного герба и девиза?

«Осень на Луне» – дал я название всему моему творчеству, однажды найденные сокровенные слова.

И на Луне я нашел свой герб.

Кстати, по восточному гороскопу я – Заяц (Кот).

Я – заяц-русак, рыцарь пьяного образа. На моем гербе – Лунный Заяц, пьющий всю ночь из кувшина непростое лунное вино, и загорается сердце – опьянение творчеством!

Знание, полученное во сне

Я размышляю о снах и, конечно, вспоминаю из Лермонтова, что все то не сон, в чем есть хоть капля страдания. Мне думается, что полные переживаний и страданий сны – есть такая же атакующая разум и чувства реальность, как и вся остальная жизнь.

Мне нравятся белые сны, я чувствую, что интенсивный белый свет, несущий все цвета и звуки, берет свое начало не во мне. Я чувствую напор, мощное давление, и белая яркость присутствует в этих снах постоянным, оживляющим все до предела фоном.

Долго и трудно после таких снов вхожу я в мою обычную жизнь. И дело не в яркости сна, а в том непрерывном вдохе... Проснусь – и снова дышать нечем.

Красные сны – терпеть не могу и, боюсь, мое будущее снится мне на красном фоне. Картины, события... – все четко и разноцветно, но преобладает красный свет, – чтоб негатив не засветить, что ли?

Сбываются эти сны – один к одному, и я думаю о моей судьбе, о жизни, которая как бы уже и прожита...

А наибольшее значение я придаю снам, в которых созна-

ние такое же, как наяву, ведь восприятие реальности зависит от яркости сознания. Если сознание как наяву, то сон так же реален, как явь. Если сознание еще ярче – сон реальной яви!

Вот я и сражаюсь за свое самосознание: и во сне, и наяву главное – ясность и яркость сознания.

Я осознал себя во сне, помнил решительно все о себе и о снах, и, наблюдая снившийся мир, старался понять, что вижу, как вижу...

Сознательные сны никогда не забываются.

Я шел по улице в мире моих снов, стараясь разглядеть, что же он есть – этот другой мир. И вот вижу, что-то непонятное у дороги... Подхожу ближе, вглядываюсь – это просто куча всякого мусора.

И только проснувшись, ужасаюсь, – откуда там мусор?! Видимо, всюду с дворниками беда. Не я ли дворник своего сознания?

Обычное здесь – удивительно там, и – наоборот.

Однажды, путешествуя в мире снов, я наткнулся на старушку с корзиной яблок, но не рассыпал их, как студент Ансельм... Интересно, из какого мира брал Гофман свои истории?

Я попросил вежливо и, взяв одно яблоко, стал его рассматривать. А потом говорю со старушкой, сам точно сознавая, что она мне снится. Тогда она зовет еще двух старушек

и говорит им, что этот вот – догадался...

Старые ведьмы лезут ко мне, давят, душат... Я пытаюсь сохранить ясное сознание, остаться наблюдателем, но старухи не унимаются...

Пришлось прекратить эксперимент.

Проснувшись, я долго думал, что это значит: то ли та реальность не хотела, чтобы ее осознали, то ли дело это греховное – жить знанием, полученным во сне?

Но, не все ли – сон?!

Когда идет старый фильм, то часто на экране возникают яркие белые пятна, полосы...

Временами весь мир – все, что вижу вокруг, – казался мне таким старым фильмом: как бы через плоское изображение прорывался пятнами, белыми колкими иглами – Свет! Казалось, еще немного, и кончится фильм, прервется сон, – свет вспыхнет, и двери откроют.

Мне снилось: иду по улице, где дома, машины... – все ярко, четко, – иду и трогаю гранитные стены, бью каблуком в твердый асфальт. Реальность! Я напряженно думаю о реальности: «Какие жесткие и прочные камни, как же субъективный идеалист может отрицать, как может вся такая действительная действительность вокруг оказаться иллюзией, сном?!» – и вдруг проснулся...

А ведь почти поверил, что все настоящее... Я проснулся, и мне очень захотелось проснуться еще раз.

Мне снилось: я иду домой, измотанный долгой, физической работой. Иду и думаю о том, что уже так поздно, мало времени до утра – не успею отдохнуть, отвлечься, заняться своим. Просыпаюсь вдруг и оказывается, что мне идти на работу не завтра, а – прямо сейчас.

«Тра-та-та» – так звали бензопилу.

Раньше мне часто снилась Атомная война.

Но вот однажды мне привиделось (с тех пор Атомная война не снится, кошмары прекратились), что началось, и объявили... Все всюду кричали, выли сирены – ужас, паника, – все бежали и прятались и, наконец, – попрятались...

Меня звали с собой, кричали на меня, тащили в подземелье, но мне удалось вырваться.

Я выбежал наверх, на улицы совершенно пустого города. Нигде – никого, не кричали, не бежали... Я шел пустынным улицам, прямо посередине, смотрел в пустые дома – окна казались без стекол и занавесей. Бомбы! Бомбы уже летели – сейчас, сейчас, сейчас...

И вдруг я увидел впереди фигуру человека, он шел мне навстречу. Я все яснее и яснее видел Его и то, как прекрасна Его поступь.

И я стал догадываться, – Кого я вижу...

Сильное жжение в спине и груди и огонь в горле напомнили мне, что я сплю. Я открыл глаза и лежал с тем же пристальным взглядом, почти без мыслей, все еще удерживая сон, и – наслаждался последними вспышками пламени, жаркого, страстного, сгореть в котором – я так бы хотел!

Счастье

Я уверен, что счастье от – «сейчас», – «сейчасье». Счастье может быть только сейчас. Когда все сейчас – это счастье.

Человек в сейчас не живет: он всегда чего-нибудь хочет и живет в мечтах, в планах будущего, он все вспоминает о чем-то и живет в прошлом. Его чувства, силы его души растянуты во времени, и, обычно, лишь малая часть находится здесь и сейчас.

Но бывает и счастье! Если бы просто собрался человек в настоящем, – сразу бы пришло счастье. Своими силами сделать это трудно, это делают благоприятные обстоятельства. Сбывается мечта, часть души, которая всегда жила в ней, возвращается в сейчас, человека здесь больше – свет ярче, слышно лучше, и – как красиво вокруг! А можно было и не мечтать вовсе...

Я знаю, что будущее и, особенно, прошлое никуда не денутся – можно оставить их в покое и жить в сейчас.

Сейчас – счастье!

Сейчас – мир прекрасен, и, наоборот, если мир прекрасен, – значит я здесь, в сейчас. Сложнее всего оставить в покое самый обычный способ жить в будущем – заботы, «про-

блемы».

Поможет красота: в моменты восприятия прекрасного человек извлекается из прошлого и будущего в сейчас – в счастье. Извлекает – наслаждение, опасность, удерживает здесь – сложное дело, а лучшее средство – Творчество!

Когда приходит счастье, замедляется время, может и остановиться – «остановись мгновенье – ты прекрасно!»

Есть, правда, одно условие: мгновение действительно остановится, когда есть только прекрасное сейчас, и совершенно нет – мыслей! В любой мысли всегда присутствует и прошлое, и будущее, – последним препятствием будет мысль.

И только тогда, когда СЧАСТЬЕ, как удар сверкающего меча, рассекает мысль – эту непрерывающуюся веревочку, – тогда, в острие сейчастного мгновения, остановится время. Весь огромный мир души соберется на лезвие, и будет – абсолютное счастье!

Весь человек целиком окажется в единой точке, не принадлежащей времени. На прямой линии, изображающей время, мгновение «сейчас» с его возможностями, я бы показал в виде угла вниз вершиной: из любой точки можно уйти вверх, неизмеримо далеко, и широко...

Несчастье. Не хочу быть сейчас, не принимаю мира, который сейчас. Сейчас я страдаю, мучаюсь, – я жил и, может быть, буду жить, но не сейчас. Не принимая нечто личное,

что происходит, или вот-вот произойдет, человек отворачивается от всего. Мир тусклый и серый, и нет красоты...

Быть сейчас или не быть сейчас – счастье или несчастье, в каких-то пределах волен человек, выбирать сам. Но если, например, страдание слишком сильно, как ни отворачивайся, оно привлечет тебя всего. И запомнишь все до мелочей, и свет будет ярок, и время пытки замедлится, а если остановится время – это будет Ад.

Но все равно, главное – быть здесь, сейчас, т. к. только сейчас есть нечто, чего нет в мыслимом нами прошлом и будущем.

Только находясь целиком здесь и сейчас, мы встречаемся с ТЕМ, Кто может все изменить, и вытащить нас из любого Ада.

Сейчас – счастье.

Тараканья проблема

*Жил на свете Таракан,
Таракан от детства,
А потом попал в стакан,
Полный мухоедства...
Капитан Лебядкин*

Сидели мы на Луне спокойно, пили вино из кувшинов... И вот! Без приглашения, в растерзанном виде, босиком...

Но вооруженный до зубов всеми орудиями и способами самоубийства, явился Некто, отрекомендовавшийся как Скорпионов Иван. Сказал, что в пределы семи лунных дорог выскочил случайно, от чувства разочарования и отчаяния, – из обширных вневременных инфраастральных хранилищ, где изучал все когда-либо совершенные или задуманные самоубийства, зафиксированные в конгломерациях мыслеобразной субстанции.

Распаковав и разложив свою богатейшую коллекцию, он тут же заинтересовался моей шпагой, и весьма расстроился, узнав, что это не оружие, а магический талисман.

Затем, не поприветствовав нас толком, не осушив и кувшина, стал расспрашивать об орудиях самоубийства, известных на Луне.

Лунный Заяц предложил Скорпионову прекрасный, по его мысли, способ – прыгнуть в подлунное винное море...

«Нет!» – вскричал тот, – «я не убийца!» И заплакал: «Не подходит, не подходит и этот способ. И вино не поможет мне...»

Услышав, что вино не поможет – его лунное вино! – Заяц, еле сдерживая гнев, потребовал немедленных объяснений.

И вот тогда, взобравшись на кубический камень и обратившись к ущербной Земле, Иван Скорпионов произнес речь.

«О, братья мои и сестры мои, самоубийцы, – страдальцы, замучившие себя собою, жаждущие освобождения от себя

самих! Убейте ложь, злобу и мерзость, – убейте свое уродливое, противосущностное «я». Но! Да не поднимется рука ваша на Человека!

Я знаю, как это трудно, я положу все силы, я должен найти для себя и для вас тот единственно верный способ – прихлопнуть таракана, не повредив Священного Храма человеческого существа.

Уверяю вас, что ваше «я» – всего лишь маленькое самосознание в огромном, удивительном Храме, величественном и грандиозном, столь же поражающем воображение, как вся Вселенная! Ведь Вселенная – это вы: закройте глаза, Солнце и звезды останутся, и чувство бесконечности пребудет с вами.

И ты, посягая на злобного, надоевшего тебе таракана, желая убить вредное насекомое, разрушаешь весь Храм?! Самоубийство – это ужасней и преступней, чем убийство другого человека, убийство может оправдывать неведение, – не знал, что он тоже человек, убивал зверя... Хотя, даже зверя убить – все равно, что разрушить величайшее творение искусства!

Другого ты можешь не знать, но – себя? Настолько не знать Человека в себе, что перепутать его с тараканом... Как это возможно, если ты действительно стремишься, ищешь, познаешь?

Надо убить «я» – свое ложное, вздорное, сиюминутное самосознание. Надо очистить свой Храм от всех суетных «я»,

от пыли и тараканов, пусть будет он пуст и светел, и ничто мелкое пусть не копошится там...

Ведь Храм предназначен для Духа!»

Мы прервали его, предложив выпить еще по кувшинчику, чтоб в горле не пересыхало.

Он согласился, и вот тут Заяц, подобрев, взял да и решил Ивану Скорпионову воспользоваться изнаночными свойствами обратной стороны Луны, чтобы овестить внутреннюю борьбу, все тайное сделать явным и очевидным...

Пойдем, говорит, поглядим на эту «тараканью проблему», ведь мы на Луне...

«Я мечтал о такой возможности!» – воскликнул Скорпионов.

Торжественно, с полными кувшинами вина, мы проводили его в центр потустороннего круга.

«Да будет тайное – явным!» – вскричал Иван, и вывернулся наизнанку...

Его «Эго», ударившись о магические скалы, разбилось на психические атомы – мельчайшие неделимости, обладающие собственным сознанием. И тысячи осознавших себя эго-вихрей, закрутив лунные флюиды, воплотили свои мыслеформы...

Мы увидели множество разных дивных существ – псевдоличностей, которые, продолжая самореализацию, воссоздавали из того же флюида свои миры, пространства, веще-

ственно-предметное окружение...

На Луне возник город!

Субъективное содержание сознания Скорпионова захлестывало Луну. Псевдоличности, рожденные его буйными фантазиями, пили лунный флюид, а многие добрались и до лунного вина и, естественно, все более овеществлялись, набирая энергию.

Неутомимо махал я магической шпагой... А Заяц чуть не разбил кувшин и, впервые за 10 тысяч лет протрезвев, завыл самые страшные лемурийские заклятия...

Попотев изрядно, мы, наконец, заключили все это безобразия за стены из желтого прошлогоднего тумана, который, не ограничиваясь во времени и пространстве, ограничил явление в количестве астральных субстанций.

Но!.. Все равно, по закону космического тождества, личная проблема Ивана Скорпионова успела притянуть всеобщие мыслеформы.

Так что – возникшая на Луне **тараканья проблема касается всех!**

Как бы мне ни надоела вся эта – «Осень», которая на Луне, но придется продолжить, чтобы добраться до моих основных идей, чтобы рассказать о Главном, хотелось бы быстрее, но с философией нельзя спешить, пробовал, и – ничего

не получилось.

А если обо всем не спеша, ведь есть у меня «И ВСЕ ДРУГИЕ СУЩЕСТВА»: собака, ворона, жила у меня лиса, лягушка, крыса... Был я знаком с привидением, чуть было с дриадой не подружился...

Вот опять она разоралась, от сути внутренней во внешний день отвлекает, —

Ворона!

*Вороны на рассвете так громко кричат —
Будто только они здесь живут...
Бесстыдным карканьем нам возвещают,
Что день проведут
С максимальной бытия полнотой.*

А теперь представьте, что ворона у вас дома, бегаёт за вами, запрокинув голову с широко разинутым клювом, молотит крыльями, и громко, не стесняясь, непрерывно кричит: «Жрать! Жрать!»

Научил на горе себе и соседям, сначала она по-вороньи кричала, но тоже громко и противно, а я так ее передразнивал — что, мол, опять...

Вороны прекрасные звукоподражатели, не хуже попугаев, моя ворона слов 10 успела выучить, да еще мяукала и лаяла — собаку и кошку дразнила.

Удивительно умная птица с неограниченными способностями к обучению, если хотите проверить, то заведите ворону!

Можно в конце мая поймать слетка, только не забудьте надеть строительную каску, взрослые вороны обязательно вас атакуют. Они будут пикировать сзади из-за спины, и могут поранить голову. И еще, у них отличная память, через год или даже два, на том месте, где вы ловили слетка, вас снова

будут атаковать вороны.

Моя ворона досталась мне совсем птенцом – чуть перьев на синей коже. После ураганного ветра, утром, мы его с собакой нашли, и ни кто его не защищал, да и сам птенец сидел молча и тихо. Ох, и пришлось с ним повозиться! Да и вообще, держать дома ворону – дело весьма хлопотное. Уже потом, я Каркушу на балконе поселил, но с утра начинались такие крики, что приходилось впускать и кормить. Вороны на рассвете так громко кричат...

А в Москве ворон много, по подсчетам орнитологов в 2000-м году в Москве зимовало 1 миллион 300 тысяч ворон. Только на Тверском бульваре ночует стотысячная стая, все деревья сплошь украшены серыми шарами с хвостами по ветру.

Ворон у нас столько, сколько могут прокормиться, а помоек, свалок в Москве хватает, и мусорные баки не закрываются. Понаблюдайте за воронами, любимое их лакомство – молочные пакеты: разрывают профессионально, ведь на внутренних стенках всегда остается немного сливок.

А как они сухой хлеб размачивают, а как кость у собаки отнимают!

Вот и у меня, помню, вдруг грохот на кухне... Прибегаю, видите ли, забыл на плите кастрюлю с супом, крышка валяется на полу, а в супе по колено бродит ворона и вылавливает мясо.

Слово «ворона» происходит от общеиндоевропейского...

Но так и слышится по аналогии с воробьем – вор она – вора бей...

Наша серая ворона – птица очень выносливая, жизнестойкая и живет долго. Я уж думал, что мне с Каркушей придется лет 30 мучиться, но нашелся человек, который ее у меня выпросил, и был с ней счастлив. Да и ворона обрадовалась, потому что – страсть!

Моя ворона, просто удивительно как, пристрастилась к рыбной ловле, ну конечно и к бычкам-ротанам, и к карасикам, ведь вся мелочь ей перепадала. Несколько раз сходил я с ней на рыбалку и все: с поплавок глаз не сводит, чуть поклевка – Карр!

А рядом старичок, тоже страстный рыбак, много удочек, а глаза не очень... Так моя Карлуша и у него ни одной поклевки не пропустила. Вот он и оценил воронье зреньё, кто-кто, а ворона своего не проворонит. Сначала он заходил, ее с собой на рыбалку приглашал, а та с удовольствием – вольная птица: или сзади пешком идет, или вперед залетает, а больше любит на голове ехать. А потом Карлуша насовсем к старичку-рыбаку жить ушла – страсть!

Говорят, что она выучила новые слова: «Клюет!», «Тащи!», «Опять сорвалось...»

И все другие существа

Давайте начнем с того, что поклонимся на все четыре стороны, и пожелаем счастья и здоровья всем-всем, ни только всем людям, но и всем другим существам.

Людей на Земле много, уже 6 миллиардов, но вы знаете, что, например, на каждого человека в среднем приходится по 250 миллионов насекомых! Всех других существ на Земле гораздо больше, чем нас людей, есть великое Царство Растений и Царство Животных, в котором человек только один вид из полутора миллионов видов известных современной науке. А все вместе, БИОСФЕРА – живая оболочка нашей планеты. Живая планета Земля! И каждая жизнь – часть всеобщей Жизни, уникальна, бесценна, неповторима...

Так давайте поклонимся Жизни, и каждой букашке кивнем, всех-всех вспомним и не забудем, что мы на Земле не одни. Давайте вспомним обо всех других, иных, самое о них удивительное, интересное, ведь тема наших бесед неисчерпаема, это – И ВСЕ ДРУГИЕ СУЩЕСТВА.

А теперь опять на Луну, – вон Заяц кувшин поднимает! Хотелось бы мне говорить обо всем, шутя, играя и смеясь, но там опять – ОСЕНЬ и еще какая-то сверхзадача в лунном тумане маячит...

Кадабр с того берега Стикса

Очнись, Кадабр, живи!

Беги, лети, достигни!

Не будет Стикс преградой.

Заклятье

«День 4321-й.

Пока я собирал дубовые галлы, мой Цербер от скуки открыл дверь лаборатории, а ворон, несмотря на строгий запрет, учинил разгром и опрокинул бутылку со свежим соком мухоморов. Погибло 340 пятен синей луны, к тому же, большая часть жидкости попала в ящик с малахитовым порошком.

Наводя порядок, в этот же ящик я вылил старое дымное масло – дыхание Горыныча (дурман, аконит, окопник). А так же выбросил все шесть фракций опыта № 364 – спорынья с герметической росой, и опыт № 9 – надкрылья жулици-красотелов с жабьей слизью, и разный накопившийся мусор...

Закончив уборку, я тщательно перемешал то, что возникло в ящике – ярко-зеленую краску редчайшего оттенка».

(Из дневника экспериментатора)

Не красьте скамейки
Волшебную краской,

Пленен я навеки
Чудовищной сказкой.

Яркий осенний день, мне семнадцать лет, я гуляю с девушкой...

Там, на моей Земле, в лучшем из миров, в той перво-зданной линейной непрерывности, которая не вызывала сомнений. Обычный день, пока еще единой, настоящей жизни, вмещающей в себя весь свет моего естественного сознания.

Мы шли легко, беззаботно. Никуда не спешили, – впереди была вся жизнь...

В сквере, где резвилось и радовалось осеннее солнце, мы увидели невероятное – кто красит скамейки, на зиму глядя?! Скамейка была такой свежайше-зеленой, так не вязалась с красками осени, что выглядела нереальной, как бы выпадала из этого мира...

Мы подошли, потрогали, подивились, посмеялись и сели – хорошая удобная скамейка.

Мы еще не целовались, за руки держались, болтали о том, о сем... А потом она сказала, что собиралась в парикмахерскую, а в этой, что от сквера через дорогу, вроде бы мало народу, – не подожду ли с полчаса?

Я немного загрустил и важно сказал: «Жаль, нет сигареты, что-то покурить захотелось». А потом вдруг быстро и с

жаром заговорил: «Ты знаешь, что мой прадед жив и здоров, и даже, можешь не верить, но он – колдун, волшебник, ну совсем такой маг, как у Гофмана Проспер Альпанус. У него огромная собачица, с зубами, как у льва, и ворон есть – говорящий... Да вон дом, выше на гору, за твоей парикмахерской! Видишь, – мансарда с большим окном, там по крышам можно перейти на самую горку, в хитрый дворик, где вон те деревья, – он туда собаку выводит... Вообще-то он дома редко бывает, путешествует, травы собирает... Давай зайдем, сейчас как раз... – давай! А то я о нем опять забуду».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.